

Протокол

Шлангенбадские беседы
11-я встреча

Многополярность, выбор политического строя и новая эпоха противостояния?

Шлангенбад, 24 – 26 апреля 2008 года

Организаторы:

Филиал Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации, Москва
Франкфуртский институт проблем мира и исследования конфликтов, Франкфурт

в сотрудничестве с

Фондом Аденауэра в Российской Федерации, Москва
Фондом "Единство во имя России", Москва

Составитель протокола:

Дарья Орлова

"Многополярность, выбор политического строя и новая эпоха противостояния?" Этот вопрос стал лейтмотивом XI ШЛАНГЕНБАДСКИХ БЕСЕД. Хотя растущая напряженность во взаимоотношениях между Россией и Западом воспринимается многими – в частности, в публицистике – как новая "холодная война", она не является новым столкновением двух систем, так что главный элемент прежней "холодной войны" сейчас отсутствует. Но есть и другие мнения – например, Сергея Караганова – который недавно заявил о "новой эпохе конфронтации". Схожую тенденцию представляют и те, кто вместе с американским неоконсервативом Робертом Каганом, например, провозглашают "мир без Запада". Они подчеркивают, что такие растущие державы как Россия и Китай представляют собой государства с авторитарной политической структурой, которые не хотят подчиняться правилам глобализации, отмежевываясь при этом от Запада, что все ближе подводит нас к "вопросу о политическом строе", как недавно констатировала фракция ХДС/ХСС в Бундестаге.

Все это происходит на фоне смещения центров силы в мире, что требует перестройки всего мирового порядка и, кроме того, ставит под вопрос универсальность прежних представлений об общем векторе мирового политического развития, ведь обе крупнейшие державы, вес которых в мире постоянно растет, стремятся – несмотря на все существующие между ними различия – к общей модели политического строя: к модели "авторитарного капитализма". Оба аспекта детально обсуждались в ходе XI ШЛАНГЕНБАДСКИХ БЕСЕД – как в плане экономических правил игры, так и в плане потенциальных последствий для мирового порядка. Речь шла, в частности, об инструментах властного влияния и возможностях сотрудничества в сфере контроля над вооружениями, а также о политике альянсов.

11-я встреча ШЛАНГЕНБАДСКИХ БЕСЕД открылась выступлением ЭГОНА БАРА за обедом. Он начал с рассказа о том, что в ноябре предыдущего года он с большим беспокойством ожидал того, как будет развиваться в 2008 году ситуация в сфере безопасности: с одной стороны, было возможно осуществление военной акции против Ирана, а с другой стороны, планировалось подписание договора о размещении системы ПРО в Польше. Сейчас степень его беспокойства значительно снизилась. Американский президент утратил внутреннюю мотивацию. Беспрецедентное восстание служб безопасности в США также затрудняет проведение агрессивной политики. Наконец, для встречи американского и российского президентов в Сочи был характерен дух разума и сотрудничества. Эгон БАР приветствовал эти тенденции, так как для Европы и Германии сотрудничество между великими державами всегда лучше, чем конфронтация. Далее он более подробно остановился на двух аспектах нынешней ситуации: на возможном размещении ракет в Польше и на новом властном тандеме в России.

В отношении новой конфигурации власти в России БАР отметил, что тандем – это интересное явление в том плане, что в нем сочетаются приверженность Медведева к соблюдению норм права и принципам экономической эффективности с аппаратным ноу-хау Путина. Конечно, Россия – это не демократия, считает БАР, но безопасность и стабильность России для Германии все же важнее. Нельзя также забывать о том, что решения о внутреннем развитии

России придется принимать ей самой, в то время как для Германии главную роль, конечно, играет надежность поставок энергоносителей.

Нынешняя проблема противоракетной обороны, по мнению БАРА, уходит корнями в конец 50-х годов XX века, когда Советский Союз создал ракеты большой дальности с ядерными боеголовками, повергнув тем самым в глубокий шок американские элиты. США тогда впервые почувствовали свою уязвимость. Следствием этого стало то, что США признали необходимость контроля над стратегическими вооружениями, что привело к заключению таких договоров как СНВ-1. С другой стороны, БАР оправдывает этим стремление американцев к восстановлению своей неуязвимости, которое после провала плана "звездных войн" привело к созданию ракет средней дальности, которые в 1987 году предполагалось разместить в Германии и Великобритании. По мнению БАРА, планируемое сейчас размещение экстерриториальных ракет в центре Европы снова нарушает равновесие в европейской системе безопасности, которое было обеспечено 17 лет назад благодаря договорам между Горбачевым и Рейганом и сохранилось после воссоединения Германии, распада Советского Союза и Варшавского договора, а также расширения ЕС и НАТО. Он опасается, что размещение системы ПРО в Польше может положить конец общей, стабильной безопасности в Европе, опирающейся на сотрудничество.

Последовавшая за выступлением Бара дискуссия была в основном посвящена теме размещения ракет. БАР согласился с мнением Хайнца ТИММЕРМАННА о том, что политика США направлена также на то, чтобы расколоть европейцев. ТИММЕРМАНН хотел, кроме того, знать, существовала ли между США и СССР договоренность о том, что в случае воссоединения Германии НАТО не будет расширяться на восток. БАР сказал, что такой договоренности не было, поскольку во время переговоров об объединении Германии ни одна из сторон не рассчитывала на распад СССР и Варшавского договора. В то же время США выполняют свое тогдашнее обещание не размещать на территории бывшей ГДР ни войск, ни ядерного оружия. В этой связи Гюнтер ЙОТЦЕ заметил, что размещение ракет в Польше, если исходить из договоренности о неразмещении оружия на территории бывшей ГДР, вполне можно рассматривать как нарушение обещания. БАР, однако, возразил, что Россия протестует не против этого, а против того, что ее мнение по этому вопросу не принимается во внимание. Александр И. НИКИТИН считает, что при наличии все еще значительных арсеналов тактического ядерного оружия главная политическая цель состоит в том, чтобы добиться его размещения исключительно на собственной территории. БАР согласился с этим мнением, заявив, что еще в комиссии Пальме он был в рядах меньшинства, которое проголосовало против того, чтобы ядерное оружие было нацелено на территорию государств, которые им не располагают. Удаление американского ядерного оружия из Германии требует, однако, глубоких политических дебатов, на которых должен быть поднят вопрос о военных базах, так что данная проблема практически не обсуждается.

Отвечая на вопрос Райнхарда ВЕЗЕРА об угрозе со стороны Ирана, БАР напомнил о несуществующем оружии массового поражения, которое дало повод для начала войны в Ираке, что вызывает скепсис. Но поскольку Иран уже в течение, по крайней мере, 10-15 лет располагает системами носителей, для отражения этой угрозы следует стремиться к российско-американскому сотрудничеству. Что касается создания ядерного оружия в Иране, следует, как считает БАР, учитывать мнение о том, что Иран не только располагает

соответствующими техническими возможностями, но и знает, исходя из исторического опыта, что именно ядерное оружие способно обеспечить защиту от США. Так что сотрудничество с Ираном при участии России – это единственный путь, чтобы держать эти тенденции под контролем.

В этой связи Эгберт ЯН поднял вопрос о том, возможны ли вообще общие российско-западные системы ПРО и как, в конечном счете, следует относиться к Польше. БАР указал на то, что это все вопросы, по которым Германия не может принимать решений. При этом вообще не ясно, имеется ли в многополярном мире европейский полюс – не в последнюю очередь из-за политики нового президента Франции. БАР заявил, что не видит аргументов для того, чтобы запретить Польше размещение американских военных баз, в то время как в самой Германии такие базы есть. Андрей ЗАГОРСКИЙ в заключение заявил, что в 80-е годы у него сложилось впечатление, что европейцы прежде всего боялись того, что США и Россия достигнут двухсторонней договоренности, которую затем придется осуществлять за их счет. БАР возразил, что это, наверное, были "ненастоящие европейцы", поскольку Европа всегда выигрывала от сотрудничества обеих великих держав.

Первое заседание:

После выборов:

Новые перспективы российско-германских отношений?

Парламентские и президентские выборы в России привели к заметным переменам во взаимоотношениях обеих сторон. С российской стороны перемены очевидны, поскольку был избран новый президент страны. Пока не ясно, как это повлияет на внешнюю политику и как вообще следует интерпретировать эти изменения. Министр иностранных дел Германии, характеризуя Медведева, сказал, что среди потенциальных преемников он "в наибольшей мере выступает за западную ориентацию и экономическую модернизацию России", что порождает "обоснованные надежды". Но Путин в определенном смысле также укрепил свои позиции, заняв пост премьер-министра и возглавив партию. Послужит ли это консолидации существующей структуры власти в его пользу или, напротив, будет способствовать плавной передаче власти избранному им преемнику в тени соперничающих кланов, или даже – как предполагают наиболее оптимистично настроенные эксперты – является первым шагом к парламентской демократии, которая должна прийти на смену всевластию президента, - все это пока не ясно, что, в свою очередь, позволяет вести открытую дискуссию по данным вопросам.

Все эти обстоятельства оказали, конечно, определенное влияние на политику Германии в отношении России. Еще в конце прошлого года в "большой коалиции" состоялась публичная дискуссия о внешнеполитическом курсе страны. Непосредственным поводом для дискуссии стали тогда Китай и прием далай-ламы в Ведомстве федерального канцлера, но России это касалось в не меньшей мере. В свое время министр иностранных дел Штайнмайер говорил о "витринной политике", констатируя при этом, что для проведения "хорошей политики в области прав человека необходимо не восхваление морального превосходства Германии, а нечто совсем другое: решимость, последовательность и ясность". Что касается России, то здесь надо понимать, что необходимо выстраивать "плодотворные отношения", способствующие укреплению мира в Европе, где Россия является "важнейшим стратегическим партнером" Запада, а Запад, в свою

очередь, является "естественным партнером" России в деле ее модернизации. Это порождает "теснейшие взаимоотношения", в рамках которых нельзя "выдавать сертификаты о качестве российских форм правления".

Но недавно Германия, опираясь на согласие между ХДС и СДПГ, Ведомством федерального канцлера и министерством иностранных дел, снова возглавила караван, идущий в Москву: Ангела Меркель стала в Международный женский день первым зарубежным визитером после избрания Медведева, а Берлин, в свою очередь, первым адресом в ходе его первого рабочего визита на Запад. Германия также сыграла ведущую роль в усилиях, направленных на то, чтобы не допустить предоставления Украине и Грузии плана действий относительно членства в НАТО. Тем самым Германия снова выбирает политический курс, которым в свое время следовали канцлеры Коль и Шредер.

СЕРГЕЙ МАРКОВ остановился в своем выступлении на внутри- и внешнеполитических последствиях политических перемен в России. Во внутренней политике России, по его мнению, господствует преемственность, поскольку Медведев уже 17 лет сотрудничает с Путиным и принимал участие в разработке его политической программы. "Тандем" – это не две властных вершины, а скорее одна двойная вершина власти. Медведев должен, считает Марков, свершить великие дела, чтобы стать подобно Путину "национальным лидером". Путин восстановил государственные институты, выиграл чеченскую войну, оживил экономику и вернул россиянам чувство безопасности и гордости. Задача Медведева состоит теперь в том, чтобы бороться с коррупцией, подрывающей устои государства, повысить уровень благосостояния, укрепив тем самым средний класс, и снизить сырьевую зависимость российской экономики. Среди других целей Медведева МАРКОВ назвал существенное улучшение отношений с Западом и реинтеграцию постсоветского пространства. Подводя итог, он констатировал начало нового этапа в развитии России, в результате которого новый президент будет более либеральным, чем Путин: Россия от стабилизации перешла к развитию, так что тема безопасности отходит на второй план, и новым приоритетом должен стать общественный контроль над госаппаратом. В экономике также осуществляется переход от госконтроля над сырьевой рентой к освоению новых источников экономического роста, что приведет к сокращению участия государства в экономике. Таким образом, Россия, по мнению Сергея МАРКОВА, будет продвигаться по пути демократии, отказавшись от продолжения авторитарной консолидации.

Что касается внешней политики, то МАРКОВ подчеркнул центральную роль вступления Украины в НАТО, выразив руководству Германии благодарность за то, что оно предотвратило в Бухаресте глубокий кризис. Он охарактеризовал Украину как "красную линию, прочерченную нацией": это колыбель российской культуры и русского православия, так что любая попытка навязать Украине членство в НАТО будет восприниматься как оккупация родины. И Россия, и Германия заинтересованы в создании в Европе новой архитектуры безопасности. Это важно еще и потому, что вытеснение России усиливает опасность веймарского синдрома и ревизионизма. Чем больше сокращается влияние России в Европе, тем хуже она усваивает европейские ценности, тем враждебнее она относится к Западу. Расширение НАТО без вовлечения России в новую европейскую систему безопасности, считает МАРКОВ, это более фатальная ошибка, чем война в Ираке. Главной целью он считает создание объединенной на основе общих ценностей Европы с включением России. К сожалению, ОБСЕ в ее нынешнем состоянии на

это не способна. ЕС и Россия скорее должны стремиться к созданию общего экономического, образовательного и гуманитарного пространства. При этом Запад не должен чрезмерно вмешиваться в отношения России со странами Востока.

АНДРЕАС ШОККЕНХОФ отметил в позитивном плане тот факт, что и германская, и российская сторона поднимают одни и те же вопросы и близки в оценке ситуации. По его мнению, перспективы российско-германских отношений определяются, в конечном счете, интересами обеих сторон. Эти интересы совпадают, когда речь идет о модернизации России. Для этого необходимо, как не раз подчеркивали и Путин, и Медведев, преодолеть коррупцию, неэффективность институтов, зависимость от экспорта сырья и нарушения прав человека и законности. В плане энергетической безопасности, которая является глобальным вызовом, обе страны в большой степени зависят друг от друга. Двухсторонние отношения должны опираться на разумный диалог и стремление к взаимному доверию, а не на конфликты. У ШОККЕНХОФА вызывает беспокойство установление Россией официальных отношений с Абхазией и Южной Осетией, которые противоречат территориальной целостности Грузии и не способствуют улучшению российско-грузинских отношений. Что касается расширения НАТО, ШОККЕНХОФ согласился с тем, что Грузия и Украина еще не готовы к предоставлению им плана действий по членству в НАТО. Но в отношении их возможного вступления в НАТО решающую роль играет только мнение внутри этих стран, а не согласие России. Россия должна понять, что членство Грузии и Украины в НАТО не будет направлено против России. Остановившись на отношениях между Россией и ЕС, ШОККЕНХОФ подчеркнул, что Россия должна воспринимать ЕС как солидарное сообщество, не стремясь к изоляции его отдельных членов. Он высказался также в пользу ориентации на общие ценности, ведь в конечном счете модернизация, к которой стремится Россия, возможна только через демократизацию. От Запада сейчас требуется не только критичное сочувствие; он не должен упускать возможностей для политического участия в процессе модернизации, о которой говорит Медведев. ШОККЕНХОФ назвал смягчение закона об НПО важным шагом в процессе либерализации. В заключение он подчеркнул, что отношения между Россией и ЕС нельзя сводить к интересам, они должны опираться на общие ценности и стремление к общей идентичности. Такое стратегическое партнерство он считает вполне возможным.

ГЕРТ ВАЙСКИРХЕН согласился с предыдущим оратором в оценке готовности Украины к вступлению в НАТО. Он считает, что этот вопрос следует вынести на референдум. В целом в отношениях с Россией следует, по его мнению, опираться на уже упомянутое "сочувствие", на общую заинтересованность в укреплении мира в Европе. Что касается процесса реформ, то Россия ответила на вопрос 90-х годов о возможности одновременного осуществления политических и экономических реформ однозначным "нет". Экономическая модернизация идет, но в политическом плане для России характерно полуавторитарное правление. ВАЙСКИРХЕН заметил, что МАРКОВ, говоря о внутренней политике России, ни разу не упомянул Государственную Думу, что подчеркивает отсутствие разделения властей. С другой стороны, ВАЙСКИРХЕН считает нынешнее развитие России позитивным в том плане, что при неполной модернизации в результате внутренних конфликтов вполне мог бы сложиться гораздо более драматичный сценарий – как в Югославии. Он приветствовал тот факт, что Медведев видит риски половинчатой модернизации, и выразил надежду на то, что это понимание является не просто риторикой, а найдет практическое выражение.

Но в одиночку президент не сможет разрешить эти конфликты, другие тоже должны прийти к такому пониманию, чтобы можно было реформировать институты снизу. На данный момент ВАЙСКИРХЕН видит здесь больше вопросов, чем ответов. Предстоит сформировать политическую волю, чтобы можно было использовать консолидирующий потенциал нового президента. Экономические реформы должны сопровождаться реформированием системы образования, поскольку для проведения модернизации нужны творческие, решительные люди. Здесь ЕС должен играть активную роль в качестве партнера российской модернизации. ВАЙСКИРХЕН считает, что Россия нуждается в открытом процессе реформ, при котором ей следует избрать европейский, а не евроазиатский путь – только так она могла бы стать надежным членом семьи европейских демократий.

ВЯЧЕСЛАВ А. НИКОНОВ в своем выступлении сначала обрисовал новую ситуацию, сложившуюся в российских властных структурах. Он подчеркнул, что Россия впервые в новейшей истории имеет сильного премьер-министра, что с исторической точки зрения (Витте, Столыпин) всегда приносило пользу. В сочетании с сильным президентом это составляет основу для нового уровня политического руководства страной. При этом он исключил внесение изменений в конституцию с целью расширения полномочий премьер-министра, поскольку вполне возможно возвращение Путина на пост президента. НИКОНОВ охарактеризовал Медведева как удобного партнера для Запада: он представляет другое поколение и практикует иной стиль, чем Путин. Но внешнеполитическая ориентация России сохраняется. Здесь Россия не нуждается в советах, поскольку она больше, чем Европа или Евразия: она представляет собой европейско-тихоокеанскую страну, которая является отдельным властным полюсом и проводит политику равноудаленности от других полюсов. Россия – это одна из немногих стран, которые сейчас в состоянии проводить независимую внешнюю политику.

НИКОНОВ приветствовал сближение позиций Германии и России, которое проявилось в ходе саммита НАТО в Бухаресте. В то же время в Германии недооценивают жизненную важность этой темы для России и угрозу, исходящую от вступления Грузии в НАТО, считает он. Если в Абхазии или Осетии случится конфликт при членстве Грузии в НАТО, то придется применить пятую статью Вашингтонского договора, и мир окажется на пороге ядерной катастрофы. Кроме того, при принятии решения о вступлении в НАТО не будет учтено мнение Абхазии и Южной Осетии. НИКОНОВ подчеркнул, что Россия сделает все, чтобы не допустить вступления в НАТО Грузии и Украины. Но если оно все же состоится, то сотрудничество с НАТО закончится, и мы окажемся в новой эпохе конфронтации. Еще одна важная конфликтная тема, по мнению НИКОНОВА, это независимость Косово, где власть находится в руках преступной организации, где мы имеем дело с типичным "недееспособным государством", которое создает проблемы для соседних стран, не занимается судьбой сербских беженцев из Косово, создавая тем самым прецедент для других регионов. НИКОНОВ, однако, надеется на то, что удастся переломить тенденцию к ухудшению отношений между Россией и Западом, сложившуюся в результате расширения ЕС и НАТО на восток.

В сфере энергетики Германия также выступает в отношении с Россией с более прогрессивных позиций, что НИКОНОВ проиллюстрировал, в частности, примером газопровода "Северный поток". Он назвал этот проект примером политизации

дискуссии по вопросам энергетики: то, что раньше оценивалось как первоочередной проект Евросоюза, было заблокировано после расширения ЕС на восток. Такое отношение ЕС к энергетическому партнерству может заставить Россию диверсифицировать свои рынки сбыта, что вряд ли отвечает интересам ЕС.

Усилия германской стороны по обновлению соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Россией достойны одобрения, но успех этих усилий не гарантирован, хотя соглашение важно для обеих сторон. Россия является одной из важных движущих сил мировой экономики, в 2007 году страны БРИК обеспечили уже около 50 процентов мирового экономического роста. Но что касается вступления России в ВТО, то НИКОНОВ считает, что шансы здесь невелики, тем более что Украина и Грузия сумели вступить в ВТО раньше России и теперь пытаются заблокировать ее вступление. Вступление в ВТО вряд ли принесет России существенные экономические выгоды, так что российское правительство не пойдет ради этого на жертвы, считает НИКОНОВ.

Третьей ключевой темой в выступлении НИКОНОВА была дискуссия о ценностях. Эта дискуссия утратила прежнюю остроту, поскольку никто в России не отрицает демократических ценностей, но в то же время нет сомнений в том, что они еще не реализованы. НИКОНОВ отметил, что Россия сейчас находится в поиске собственных ценностей общественной гармонии – "русского мира". В этой связи он подчеркнул, что российские проблемы и их решения лучше видны с российской точки зрения, чем с западной, так что страна не нуждается в западных поучениях.

В заключение НИКОНОВ как председатель фонда "Русский мир" разъяснил цели и характер деятельности фонда. Здесь имеется много вопросов, которые можно было бы обсудить и в ходе "Шлангенбадских бесед". Фонд занимается проблемами российских меньшинств и поддерживает культурные и языковые программы в разных странах, в частности, в Германии, где четыре миллиона человек считают себя русскими. Он подчеркнул, что решающее значение здесь имеет не этническое происхождение, а самоидентификация людей. Россия рассчитывает на поддержку Германии в деле защиты прав российских меньшинств в Латвии и Эстонии. Эти меньшинства лишены там гражданства, гражданских прав, прав собственности, частично они подвергаются запрету на профессии. Существующие квоты на натурализацию позволяют решить эту проблему лишь через 200 лет.

В ходе дискуссии были затронуты прежде всего проблемы расширения НАТО, а также вопросы российской внутренней политики. ЭГБЕРТ ЯН и ХАЙНЦ ТИММЕРМАНН отметили, что дискуссия о вступлении в НАТО – в частности, в Украине – слишком эмоциональна и полна предубеждений. Так, утверждение российских участников, что Украина – это та же Россия, беспочвенно. ВИЛЬГЕЛЬМ ХАНКЕЛЬ в этой связи заметил, что сегодня никто не стал бы оспаривать независимость Австрии. КЛАУС ВИТТМАНН выдвинул тезис о том, что Россия сама исключает себя из архитектуры безопасности, проиллюстрировав это, в частности, примером "NATO Defence College", в котором до сих пор участвовали всего лишь два российских представителя. В вопросах безопасности эмоции – это плохие советчики, особенно тогда, когда логика "холодной войны" была заменена на парадигму безопасности на основе сотрудничества. ПАВЕЛ ЗЛОТАРЕВ заметил, что вступление Украины в НАТО не способствует активизации сотрудничества, а присоединение к Пятой статье было бы связано с

проблемами, которые Россия должна воспринимать со всей серьезностью. В рамках военного планирования НАТО государства, не входящие в НАТО, всегда будут стоять на другой стороне. Он подтвердил, что русские и украинцы – это один народ, добавив при этом, что Украина стремится в НАТО также для того, чтобы было легче перераспределить собственность российских предприятий в Украине. ИВАН САФРАНЧУК указал на то, что до сих пор инициатива по вступлению в НАТО всегда исходила от самих кандидатов на вступление, в то время как Грузию и Украину пытаются втянуть в НАТО в срочном порядке. Отрицательное отношение к этому со стороны России здесь первоочередной роли не играет. Важнее то, что пока не ведутся соответствующие переговоры между Россией и НАТО, планы вступления порождают в странах-кандидатах внутренние конфликты. ТОМАС ГУЧКЕР спросил российских участников о том, согласится ли Россия с положительным ответом на вопрос о вступлении в НАТО, данным в ходе возможного референдума в Украине. НИКОНОВ на это ответил, что такой результат вряд ли будет отражать волю украинского народа. МАРКОВ дополнил, что с решением можно будет согласиться при условии, что референдум будет честным, постановка вопроса корректной и вступление в НАТО совместимым с конституцией страны, а также если будут исключены любые манипуляции.

УЛЬРИХ БРАНДЕНБУРГ поставил под сомнение, что в настоящее время существует российская стратегия интеграции постсоветского пространства, которая компенсировала бы враждебность и негативный опыт прошлых лет. Угрозы, во всяком случае, достижению этой цели не способствуют. ПЕТР ФЕДОСОВ подтвердил, что Россия могла бы предотвратить расширение НАТО только за счет повышения собственной привлекательности в регионе, а не с помощью угроз. Как заметил ЭРНСТ-ЙОРГ ФОН ШТУДНИТЦ, обращаясь к НИКОНОВУ, то же самое относится и к Германии, которая не позволит использовать себя против НАТО; так что российской стороне не следует подчеркивать роль Германии в этом смысле. Он и ТИММЕРМАНН также не согласились с исходным тезисом о разногласиях между СДПГ и ХДС/ХСС по вопросам политики в отношении России. Этот конфликт между партнерами по коалиции выполняет прежде всего внутривнутриполитическую функцию.

Последний тематический блок заседания был посвящен российской внутренней политике. АНДРЕЙ ЗАГОРСКИЙ высказал сомнение в том, что доброжелательно воспринятая на Западе риторика нового президента касательно модернизации и демократических свобод будет действительно реализована, и спросил, какова будет реакция германской стороны, если этого не произойдет. ВЛАДИМИР РЫЖКОВ также сказал, что сомневается в осуществлении заявленных реформ. Он также не согласился с мнением российских докладчиков об экономическом прогрессе в России. РЫЖКОВ считает, что за последние восемь лет ситуация в таких важных областях как сокращение бюрократии, зависимость от экспорта сырья или распределение доходов не улучшилась, а наоборот ухудшилась. Система здравоохранения и образования продолжает деградировать. Чрезвычайно благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура использовалась недостаточно. В остальном РЫЖКОВ разделит скептическое отношение ЗАГОРСКОГО к риторике президента. Германские участники с удивлением восприняли новый термин "национальный лидер", пожелав узнать, как он определяется, по каким критериям присваивается (ТИММЕРМАНН) и может ли Медведев также стать национальным лидером, если он реализует программу своего предшественника, не преследуя при этом собственных целей (ФРИДЕМАНН КОЛЕР). НИКОНОВ определил "национального лидера" как

руководителя страны, обладающего чрезвычайным влиянием; в качестве германского примера он назвал Аденауэра. МАРКОВ дополнил в том плане, что "национальный лидер" – это политический деятель, намерения, курс и стиль политического руководства которого разделяет большая часть населения.

В своем заключительном слове ШОККЕНХОФ подчеркнул, что по причине растущей взаимной зависимости в XXI веке не может быть нейтральных наблюдателей. Германия не собирается никого поучать, речь идет о формировании общего будущего. Российское население после утраты при правлении Ельцина внутреннего авторитета и статуса мировой державы было готово согласиться с урезанием демократических прав в интересах восстановления дееспособности государства. Теперь же надо стремиться к открытости, иначе в стране может возникнуть внутренняя напряженность. Отвечая на дополнительный вопрос, касавшийся дискуссии вокруг Косово, ШОККЕНХОФ заметил, что Россия использовала Косово лишь как рычаг, чтобы ограничить влияние США, поскольку настоящих интересов у России в Косово нет. Найти решение за столом переговоров, к сожалению, не удалось, сейчас это уже невозможно, поскольку временное решение с точки зрения международного права не имеет перспективы. Сербские анклав, заверил ШОККЕНХОФ, находятся под международным наблюдением, чтобы были обеспечены права сербского меньшинства.

НИКОНОВ в своем заключительном выступлении еще раз подчеркнул, что расширение НАТО представляет для России экзистенциальную угрозу. По мнению НИКОНОВА Россия сама является для себя наилучшим партнером в деле модернизации, так что ей не нужна помощь извне. В 90-е годы Запад упустил возможность сделать Россию частью европейской системы безопасности. Что касается интеграции постсоветского пространства, то НИКОНОВ согласился с тем, что России недостает "мягкой силы". Но имиджевая проблема России имеет место лишь в некоторых странах западного мира.

МАРКОВ также усмотрел в выступлениях немецких участников реликты прошлого. В 90-е годы Россия питала доверие к Западу, но это негативно повлияло на ее развитие, поэтому она больше не хочет иметь с Западом отношений по схеме "учитель-ученик". Тем не менее, МАРКОВ считает, что в выступлениях немецких участников звучало немало поучающих нот. "Холодная война" теперь в прошлом, так что в целом негативный настрой по отношению к любому расширению российского влияния должен измениться. Что касается интеграции постсоветского пространства, то Россия хочет создать общее экономическое пространство – примерно по образцу ЕС 60/70-х годов. Главным препятствием на этом пути МАРКОВ считает западные государства, поскольку около 75 процентов населения Украины, Казахстана и Белоруссии такой союз поддерживают. В частности, США не только мешают развитию отношений между Россией и ЕС, но и представляют собой проблему для всего мира. Однополярный мир последних 15 лет, в котором США являются единственной супердержавой, стал намного менее безопасным, поскольку США хотят укреплять собственную безопасность за счет остального мира.

ВАЙСКИРХЕН высказался в заключение за то, чтобы за счет политического регулирования выигрывать время при разрешении актуальных конфликтов, чтобы лучше понимать ситуацию и находить новые варианты решений. В частности, надо использовать шансы, которые откроются при новых президентах как в

России, так и в США. Что касается конфликта в связи с расширением НАТО, то ВАЙСКИРХЕН усматривает с российской стороны амбиции бывшей супердержавы и глубокие ментальные блокады, которые не позволяют российскому руководству признать факт повышения уровня безопасности. Но можно выстроить мосты, ведущие к преодолению конфликта, если стороны будут открыто обсуждать взаимные интересы.

Второе заседание

Государства БРИК и их развитие: вызов мировому устройству?

"БРИК" – это аббревиатура, обозначающая четыре страны с переходной экономикой (Бразилия, Россия, Индия, Китай), и в то же время синоним изменения соотношения сил в мировой экономике, которое становится все более явным. Хотя эти государства и не являются гомогенной группой, они сочетают в себе высокие темпы экономического роста с большими ожиданиями, которые с ними связывают в мире. Характер этих сдвигов и их последствия для мирового порядка были предметом второго заседания, которое началось с двух развернутых докладов.

ВОЛЬФРАМ ШРЕТТЛЬ напомнил историю возникновения аббревиатуры БРИК, под которой несколько лет назад инвестиционный банк "Голдман Сакс" объединил в маркетинговых целях четыре страны, которые затем продемонстрировали впечатляющие темпы экономического роста. В последние годы они стали локомотивом мировой экономики: на них приходится 50 процентов прироста (из них на Китай 25 %), причем их доля в мировом ВВП оставляет 15 % (по паритету покупательной способности – 26 %). С учетом того, что в них живет 42 процента населения Земли, они пока все же пока являются относительно бедными странами. Кроме того, страны БРИК – это важные экспортеры и импортеры, а также популярные реципиенты прямых инвестиций. В последнее время они также становятся все более значительным источником инвестиций.

Страны БРИК сильно отличаются друг от друга структурой экономики и политическими интересами, так что о гомогенной группе говорить не приходится. Так, экономический рост Китая и Индии основан преимущественно на дешевой рабочей силе, в то время как главным козырем для Бразилии является экспорт сельхозпродуктов и сырья, а для России – экспорт энергоносителей и сырьевых ресурсов. ШРЕТТЛЬ проиллюстрировал различия на примере финансового кризиса и его последствий для стран БРИК. По мнению ШРЕТТЛЯ, эти страны также внесли свой вклад в возникновение кризиса, пусть и ненамеренно. В частности, Китай и Индия своим дешевым экспортом способствовали снижению мирового уровня инфляции, что, в свою очередь, позволило проводить более либеральную денежную политику. Экспансивная денежная политика, в свою очередь, привела к "asset price inflation" в сфере недвижимости и торговли ценными бумагами. Кроме того, страны БРИК размещали свои валютные резервы прежде всего в США, что способствовало возникновению там избытка сбережений, снижению процентных ставок и надуванию кредитного пузыря. Быстрый рост в странах БРИК спроса на продукты питания и энергоресурсы также внес вклад в зарождение кризиса.

На данный момент страны БРИК меньше затронуты кризисом, чем развитые страны, считает ШРЕТТЛЬ; в то же время не ясно, сохранится ли такая ситуация. В странах БРИК также рухнули фондовые рынки, хотя их банки не были вовлечены в торговлю структурированными продуктами. Вероятным является также сокращение прямых инвестиций и спроса на их экспорт со стороны развитых стран. Наконец, снижение курса доллара – в частности, в Китае и России – ведет к существенным потерям, поскольку их валютные резервы размещены преимущественно в долларах США. С другой стороны, рост цен на продукты питания и сырье в странах БРИК имеет асимметричные последствия: для Китая и Индии они негативны, а Бразилия и Россия оказываются в выигрыше.

ШРЕТТЛЬ высказал сомнения в том, что рост экономики стран БРИК будет устойчивым. В Китае огромное значение имеют инвестиции, прирост объема которых составляет 25 % в год, так что их доля в ВВП уже достигает рискованного уровня в 40-50 процентов (в России это менее 20 %, хотя и здесь имеет место динамичный рост). Пока не ясно, удастся ли в долгосрочном плане обеспечивать рост иными средствами. Еще одна проблема для устойчивого развития – это нынешняя девальвация привязанных к доллару США валют стран БРИК, хотя в интересах глобального экономического равновесия их курсам следовало бы расти. Наконец, и в России, и в Китае население стареет, что неизбежно замедлит рост их экономики. Для развития России было бы также очень важно преодолеть сырьевую ориентацию, чего пока сделать не удастся.

В заключение своего выступления ШРЕТТЛЬ остановился на политической роли БРИК. До сих пор они не имеют никакой специальной организации, что вполне объяснимо в виду их неоднородности и конфликтов интересов. Политическим форумом могла бы стать G24. Эти страны высказываются, например, в пользу повышения веса стран с переходной экономикой в рамках МВФ. В принципе, динамичный рост экономики стран БРИК способствовал ослаблению экономической и политической роли США, считает ШРЕТТЛЬ. Он, однако, оценивает этот процесс не как возникновение многополярности, а лишь как снижение концентрации власти.

ВЛАДИСЛАВ ИНОЗЕМЦЕВ также считает БРИК искусственным образованием, так как его члены преследуют разные политические и экономические цели и имеют совершенно разную структуру экономики. Лишь через 10-15 лет можно будет сказать, насколько устойчивым является рост, наблюдаемый сейчас в этих странах. Характеризуя отдельные страны БРИК, ИНОЗЕМЦЕВ отметил, что Индия, на его взгляд, менее всех заинтересована во влиянии на мировую политику или экономику. Бразилии он предсказал наибольший потенциал развития среди стран БРИК. Этой стране в равной мере удался переход к демократии и рыночной экономике, и она сумела сильно повысить свою привлекательность для инвесторов. Об этом свидетельствует, в частности, фондовый индекс BOVESPA, который с 2000 года вырос с 8000 до 40000. Бразилия обладает хорошим уровнем технического и промышленного развития, именно она как крупнейшая страна Латинской Америки возглавит процесс экономической интеграции субконтинента. Китай лидирует в деле борьбы с бедностью и достиг огромных экономических успехов – как в экспорте различных изделий, так и в сфере инфраструктурных инвестиций. Китайская экономика, однако, слишком велика для безболезненной интеграции в мировую экономику, так что рост Китая стимулирует протекционистские тенденции в мире. В этом плане Россия принципиально отличается от Китая. ИНОЗЕМЦЕВ считает, что в

России экономическое чудо по китайскому образцу невозможно, поскольку уровень зарплат в России уже сейчас слишком высок, а программы модернизации в инвестиционной сфере не реализуются. Россия не слезает с "нефтяной иглы", так что в благоприятных условиях можно себе представить ее развитие по модели Объединенных Арабских Эмиратов.

Будет ли развитие стран БРИК оказывать стабилизирующее влияние на мир – это пока трудно предсказать, отметил ИНОЗЕМЦЕВ, подводя итог своего выступления. Хотя между Россией и Китаем наметилось определенное сближение, в их отношениях имеется также немалый конфликтный потенциал. Это касается, в частности, импорта Китаем энергоносителей из Центральной Азии или возможного копирования российских систем вооружения. Наряду с ЕС и США, считает ИНОЗЕМЦЕВ, Китай является самостоятельным властным полюсом. Россия же, находящаяся в сфере влияния ЕС и Китая, при сохранении нынешнего политического курса вряд ли сумеет стать таким властным центром.

В ходе последовавшей затем дискуссии АНДРЕЙ ЗАГОРСКИЙ поинтересовался торговыми и инвестиционными связями между странами БРИК, поскольку это важно для формирования общих интересов. Во всех странах БРИК, ответил ШРЕТТЛЬ, решающую роль играют государства Запада. ИНОЗЕМЦЕВ дополнил в том плане, что Китай занимает в российской торговле 5-е место. В целом доля БРИК в мировой торговле составляет около 7,5 процентов, что экономически настолько незначительно, что общие интересы стран БРИК скорее находятся в общеполитической, чем в экономической сфере. ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ подчеркнул, что согласно нынешним прогнозам экономический потенциал БРИК к 2030 году превзойдет потенциал "семерки" и что уже сейчас вырисовывается совсем иная иерархия. На это ШРЕТТЛЬ возразил, что долгосрочные прогнозы не очень надежны, а ИНОЗЕМЦЕВ заметил, что такой прогноз ничего не говорит о том, что крупнейшая экономика будет также обладать наибольшим влиянием – например, если Запад сохранит за собой технологическое лидерство. Но экономика развивается стабильно, возразил НИКОНОВ, ни для одной из стран не предсказывают замедление роста вследствие финансового кризиса. Он, правда, также отметил неоднородность стран БРИК, решительно возразив при этом ИНОЗЕМЦЕВУ в том, что касается движущих сил российского экономического роста: нефть составляет всего 18 % российского ВВП, то есть происходит диверсификация экономики, зависимость от экспорта сырьевых ресурсов снижается, наиболее динамично растут постиндустриальные сектора. По данным НИКОНОВА имеются большие валютные резервы, которые, однако, диверсифицированы, так что потери от снижения курса доллара далеко не столь велики, как было представлено. Во внешней политике страны БРИК являются самостоятельными игроками. Россия, по мнению НИКОНОВА, особенно заинтересована в диалоге с Китаем, в то же время ведутся переговоры между Индией, Китаем и Россией в рамках "треугольника Примакова". Политический формат сотрудничества пока не выработан, тем не менее, не стоит недооценивать политический потенциал БРИК – так же как и экономический.

ВИЛЬГЕЛЬМ ХАНКЕЛЬ назвал БРИК в экономическом плане уникальным явлением, поскольку изначально эти страны были небольшими открытыми народными хозяйствами, которые стали расти за счет экспорта. Для такой страны как Китай в среднесрочной перспективе это связано с определенными проблемами, и без структурной перестройки Китай вскоре достигнет потолка роста. Что касается нынешнего финансового кризиса, то ХАНКЕЛЬ отметил, что

он никак не связан с развитием реальной экономики, а представляет собой лишь бухгалтерско-оценочный кризис, обусловленный недостаточным регулированием денежного рынка и распространением непрозрачных финансовых продуктов. Кризис возник на фоне ухода западных центробанков с денежного рынка после введения гибких обменных курсов валют. Дилемма состоит, однако, в том, считает ШРЕТТЛЬ, что бухгалтерский кризис имеет вполне реальные последствия, которые не обходят стороной и страны БРИК.

Третье заседание Будущее контроля над вооружениями

Есть ли будущее у контроля над вооружениями, который в эпоху "холодной войны" был важнейшим инструментом в отношениях между Востоком и Западом? На этот счет в международных экспертных кругах существует немало скепсиса. Этот скепсис обусловлен не только весьма сдержанным отношением администрации США к ограничению вооружений, но и недавним выходом России из ДОВСЕ, не говоря уж о наращивании военного потенциала почти во всех странах мира. Поэтому возникла насущная необходимость в том, чтобы вновь подробно рассмотреть эту тему в ходе ШЛАНГЕНБАДСКИХ БЕСЕД – тему, с которой они в свое время начинались.

ХАРАЛЬД МЮЛЛЕР в своем вступительном докладе представил нынешнюю ситуацию в виде баланса. На стороне "кредит" приведены реализация договора СНВ-I и Московского договора, а также продолжение программы "Cooperative Threat Reduction" (Нанн-Лугар) по обеспечению безопасного хранения ядерных материалов в бывшем СССР. Перечень на стороне "дебет", по мнению МЮЛЛЕРА, намного длиннее:

- Московский договор – это пародия на договор о разоружении, поскольку он не содержит никаких положений о верификации и автоматически прекращает действовать после выполнения.
- Договор по ПРО остался в прошлом по причине выхода из него Соединенных Штатов.
- Адаптированный ДОВСЕ не был ратифицирован государствами-членами НАТО, и Москва объявила мораторий на его исполнение.
- Сообщество государств, подписавших договор о нераспространении ядерного оружия, далеко от согласия, и это представляет угрозу для его будущего.
- Попытка приложить к конвенции о запрещении биологического оружия протокол о проверке ее соблюдения и прозрачности потерпела неудачу из-за сопротивления американцев.
- Договор по ракетам средней дальности (INF) пока действует, но его все чаще ставят под сомнение.

Главная цель контроля над вооружениями состоит, по мнению МЮЛЛЕРА, в том, чтобы разрешить дилемму безопасности. Эта цель достигается через соблюдение принципов стабильности, прозрачности, баланса и оборонительного поведения. Эти принципы не совместимы с агрессивными намерениями и заставляют стороны встать на платформу "добрых намерений". Дополнительные меры по верификации важны для повышения уровня взаимного доверия. Эти принципы действуют и сегодня – несмотря на пять основных аргументов, которые выдвигаются против контроля над вооружениями:

- 1) Контроль над вооружениями – это наследие "холодной войны". По мнению МЮЛЛЕРА, контроль над вооружениями, однако, в многополярном мире совершенно необходим, его значимость даже растет, поскольку гонку вооружений в многополярном мире труднее контролировать.
- 2) Контроль над вооружениями не нужен, поскольку между великими державами нет конфликтов. Хотя конфликты в мире возникают, существуют стратегии, которые такие конфликты учитывают – например, Национальная стратегия безопасности США.
- 3) Контроль над вооружениями не помогает бороться с главной угрозой современного мира – международным терроризмом. Здесь МЮЛЛЕР заметил, что многосторонние договоры об оружии массового поражения позволяют держать под контролем опасные материалы и тем самым противодействуют их передаче в руки террористов.
- 4) Контроль над вооружениями игнорирует внутригосударственные конфликты. Этот аргумент не соответствует реальности, поскольку программы ООН по демобилизации и реинтеграции боевиков, а также программа по легкому оружию в рамках Оттавской конвенции по сдерживанию внутригосударственных конфликтов включают в себя компонент разоружения.
- 5) Заключение договоров по контролю над вооружениями – слишком медленный и сложный процесс, тех же самых целей можно достичь через односторонние обязательства по стабилизации. В качестве встречного аргумента МЮЛЛЕР подчеркнул роль верификации в деле укрепления доверия. Ведь осуществлять и верифицировать можно только договорные обязательства.

Вывод МЮЛЛЕРА состоит в том, что нынешняя плачевная ситуация с контролем над вооружениями обусловлена не изменением объективных условий, а политическими подходами. В частности, США за последнее десятилетие утратили соответствующий интерес и делают ставку на военное превосходство и упреждающие стратегии. Чтобы эта негативная тенденция прекратилась, нужна прежде всего новая политика в США. Для восстановления процесса контроля над вооружениями, на взгляд МЮЛЛЕРА, необходимы следующие шаги:

- Реанимация ДОВСЕ. МЮЛЛЕР считает, что государства-члены НАТО должны срочно ратифицировать этот договор, а Россия, в свою очередь, отменить мораторий на его исполнение.
- Обновление процесса контроля над вооружениями после договора СНВ-I и замена Московского договора. В этой связи было бы желательно лимитировать ядерные арсеналы малых ядерных государств.
- Введение в действие договора о прекращении испытаний ядерного оружия, что в первую очередь требует его ратификации американцами. Отсутствие этого договора угрожает договору о нераспространении.
- Начало переговоров о режиме верификации в сфере производства делящихся материалов в рамках Женевской конференции по вопросам разоружения.
- Согласование границ ПРО, а также "дорожной карты" по созданию глобальной системы ПРО.

Интенсификация контроля над вооружениями не является заменой мирных отношений между государствами; но гонка вооружений может сама по себе разрушить эти отношения, что сейчас наблюдается во взаимоотношениях между

НАТО/США, Китаем и Россией. МЮЛЛЕР указал в заключение своего доклада на то, что реанимация идеи обеспечения безопасности на основе сотрудничества требует больших усилий всех сторон, но прежде всего Соединенных Штатов.

По мнению АЛЕКСАНДРА НИКИТИНА, с 2001 года мир видит главную угрозу в терроризме, хотя главные цели, поставленные в эпоху "холодной войны", еще далеко не достигнуты. Он проиллюстрировал это примером договоров о разоружении: в 2002 году спустя 30 лет прекратил действовать договор по ПРО; договор 1996 года о прекращении испытаний ядерного оружия до сих пор не вступил в силу, поскольку слишком мало стран его ратифицировали; СНВ-II также не вступил в силу, потому что парламенты России и США затянули процесс ратификации, а затем ратифицировали разные варианты договора; крупнейший из заключенных до сих пор договоров о сокращении ядерных арсеналов, СНВ-I, истекает в конце 2009 года, тем самым утрачиваются важные инструменты верификации и контроля; в ноябре 2007 года Россия объявила мораторий на исполнение ДОВСЕ, а сейчас Госдума ведет дискуссию о выходе из договора о РСМД (INF).

С другой стороны, глобальные военные расходы на данный момент составляют 1300 миллиардов долларов США, из которых на США приходится половина, 59 миллиардов на Великобританию, 53 миллиарда на Францию, 39 миллиардов на Германию и 34 миллиарда на Россию. Если сравнить военные расходы стран-членов Договора о коллективной безопасности, то Россия лидирует с большим отрывом, за нею следуют Казахстан (1,2 миллиарда долларов США) и Узбекистан (0,9 миллиардов долларов США). В целом военные расходы стран-членов ОДКБ (около 42 миллиардов долларов США) во много раз меньше, чем военные расходы НАТО (около 800 млрд. долларов). Эта разница вынуждает Россию искать асимметричных решений – например, в сфере ядерного оружия. После распада СССР арсеналы стратегического и тактического ядерного оружия последовательно сокращались, подчеркнул НИКИТИН. В настоящее время Россия обладает примерно 3200 ядерными боеголовками примерно на одной тысяче стратегических носителей. При этом планируется провести до 2010 года фундаментальную трансформацию, в результате которой останется всего лишь 1500 боеголовок на 400 носителях. В то же время происходит трансформация российской ядерной доктрины. В 1996 году Россия отказалась от ядерных испытаний, за этим последовал отказ от паритета. Доктрина направлена на сокращение арсеналов с их одновременной модернизацией. В этой связи НИКИТИН посетовал на возможные последствия выхода России из договора о РСМД (INF): это не только перечеркнуло успешный опыт инспекций и обменов, но и вызвало бы новую волну гонки вооружений, в том числе в Европе. Поскольку производство ракет малой и средней дальности требует проведения новых испытаний, это ведет также к подрыву запрета на испытания. Кроме того, это создает для Ирана, Пакистана, Индии и Китая стимулы к участию в гонке ядерных вооружений. Что же касается активно обсуждаемого вопроса о размещении ракет в Европе, то НИКИТИН высказал мнение, что российская сторона не опасается военной угрозы, а использует эту дискуссию в первую очередь для политических переговоров. Во всяком случае, взаимосвязь с отказом от договора о РСМД представляется искусственной.

НИКИТИН подчеркнул, что российская сторона не должна следовать примеру США, отказываясь от долгосрочных международных договорных отношений в

пользу переходящих тактических преимуществ. В сфере контроля над вооружениями следует стремиться к достижению следующих целей:

- Введение в действие договора о прекращении испытаний ядерного оружия (СТВТ).
- Исполнение положений договора СНВ-II (START-II) и сокращение стратегических ядерных арсеналов до уровня ниже 1000 боеголовок. При этом надо следить за тем, чтобы сокращаемое оружие действительно уничтожалось, а не отправлялось на склад.
- Недопущение разработки новых типов ядерного оружия и запрет на размещение ядерного оружия в космосе, чтобы остановить его вертикальное распространение.
- Урегулирование проблемы ПРО с целью сокращения стимулов к гонке вооружений.
- Достижение договоренности, а затем и сокращение арсеналов тактического ядерного оружия.

В долгосрочной перспективе надо стремиться к всеобщему запрету ядерных вооружений по аналогии с химическим и биологическим оружием. Осуществление этих амбициозных целей НИКИТИН считает, однако, маловероятным. В краткосрочной перспективе, на его взгляд, достижимы всего четыре цели:

- 1) Сохранение механизма верификации договора СНВ-I, срок действия которого истекает в следующем году.
- 2) Снижение потолка стратегических ядерных вооружений до уровня ниже 1000 боеголовок.
- 3) Сохранение режима отказа от испытаний ядерного оружия.
- 4) Завершение работы над договором о запрещении производства делящихся материалов (FMCT).

К целям, которые было бы нереально осуществить в ближайшем будущем, НИКИТИН отнес также спасение ДОВСЕ и вовлечение в переговоры семи "других" ядерных держав. Существует риск того, что до 2010 года будет утрачен договор о нераспространении ядерного оружия. В заключение НИКИТИН указал на прямую взаимосвязь между кризисом контроля над вооружениями и кризисом в сфере нераспространения. Его вывод состоит в том, что дальнейшее распространение ядерного оружия можно будет остановить лишь при условии, что международный контроль над вооружениями будет восстановлен и признан важной ценностью.

УЛЬРИХ БРАНДЕНБУРГ процитировал в начале своего выступления коммюнике саммита НАТО в Бухаресте, где было подтверждено, что контроль над вооружениями, разоружение и нераспространение являются вкладом в укрепление мира, безопасности и стабильности. Кроме того, на этой встрече был принят к сведению составленный по инициативе Германии и Норвегии доклад о ситуации в сфере контроля над вооружениями. Значимость контроля над вооружениями и разоружения для безопасности на евроатлантическом пространстве, подчеркнул БРАНДЕНБУРГ, уже давно бесспорна для стран-членов НАТО, она отражена также в действующей стратегической концепции НАТО. Но НАТО – это не блок, а организация, в которой консенсус зачастую достигается лишь в результате длительных переговоров. Германия, однако, позаботится о том, чтобы тема контроля над вооружениями оставалась на первых позициях повестки дня, ведь, пожалуй, ни в одной другой стране нет такого обширного разоруженческого лобби, как в Германии. С другой стороны, по его мнению, у

таких союзников по НАТО, как Великобритании или США, также растет к этому интерес как реакция на кризис глобальной политики нераспространения и на возникновение "неофициальных" ядерных держав. Так, во время встречи Буша и Путина в Сочи одним из пунктов переговоров был контроль над вооружениями. Обсуждались, в частности, договор СНВ-I, меры по укреплению доверия в рамках ПРО, а также судьба ДОВСЕ.

Причиной того, что контроль над вооружениями снова стал одним из главных пунктов политической повестки дня, является, по мнению БРАНДЕНБУРГА, понимание того, что эрозия режима контроля над вооружениями – это повод для беспокойства. Обеспокоенность вызывают также не охваченные договорными отношениями игроки, а также проблема контроля и ограничения новых военных технологий. БРАНДЕНБУРГ присоединился к мнению предыдущих ораторов о необходимости реанимации контроля над вооружениями, считает, однако, что контроль над вооружениями в будущем все больше будет напоминать сизифов труд.

Новые риски и угрозы со стороны игроков, не связанных договорными обязательствами, БРАНДЕНБУРГ назвал главной опасностью для контроля над вооружениями. В качестве примера он привел иранскую ядерную программу или дискуссию в России о выходе из договора о РСМД. Поэтому возрастает значение контроля над экспортом оружия и санкций, направленных против распространения оружия массового поражения. В то же время новые угрозы ставят вопрос о том, возможен ли вообще договорный режим при наличии иррационально действующих игроков и не устарело ли понятие стратегического равновесия. Этот аргумент в последнее время часто приводят, чтобы поставить под сомнение контроль над вооружениями в форме юридически обязывающих ограничений, но встреча в Сочи обозначила позитивную тенденцию, так как президенты договорились о том, что будут стремиться к заключению юридически обязывающего договора, продолжающего СНВ-I, в соответствии с количественными параметрами Московского договора.

Мораторий на исполнение ДОВСЕ и выдвижение Россией новых требований позволяют предположить, что Россия готова отказаться от всего инструментария договора. Германия, заявил БРАНДЕНБУРГ, в течение долгого времени выступала за ратификацию адаптированного договора 1999 года. Теперь эту линию поддерживают и США. НАТО предложила его ратификацию при параллельном урегулировании конфликтных вопросов в Грузии и Молдавии. Государства, до сих пор не подписавшие этот договор, также заявили о готовности присоединиться к модифицированному договору. Ситуация, возникшая после введения моратория, по мнению БРАНДЕНБУРГА, ведет в среднесрочной перспективе к подрыву взаимного доверия и прозрачности, поскольку Россия больше не участвует в обмене данными и не допускает проведения инспекций, в то время как другие государства пока что придерживаются старой версии договора. Это чревато угрозой серьезного нарушения режима ДОВСЕ.

Следующая проблема, на которой остановился БРАНДЕНБУРГ, это планы создания противоракетного щита в Европе. Этот конфликт снова показал значение прозрачности и доверия между игроками. Хотя Россия не может игнорировать такие новые угрозы как, например, иранскую, она считает, что система ПРО угрожает ее стратегической безопасности. Здесь необходима прозрачность, чтобы показать, что противоракетный щит не направлен против

России. По мнению БРАНДЕНБУРГА, следует проанализировать возможность создания общей системы ПРО с участием США, НАТО и России.

В заключение БРАНДЕНБУРГ подчеркнул гуманитарный аспект контроля над вооружениями, где граница проходит не между США и Россией. Этот аспект связан с предотвращением побочного ущерба в ходе военных конфликтов. Наибольшие людские потери возникают – даже спустя годы после конфликта – в результате использования легкого оружия – например, мин или кассетных бомб. Решение этой проблемы БРАНДЕНБУРГ видит, с одной стороны, в разработке новых видов оружия, которые позволяют минимизировать побочный ущерб; с другой стороны, это режим разоружения в соответствии с норвежской инициативой по кассетным бомбам. БРАНДЕНБУРГ сказал, что хочет быть осторожным в прогнозах, но нет сомнений в том, что в ближайшие годы тема контроля над вооружениями даст немало пищи для споров.

В ходе начавшейся затем дискуссии ЭГОН БАР посетовал на то, что существенное улучшение перспектив контроля над вооружениями можно ожидать лишь при новой американской администрации. Пока же всем сторонам надо позаботиться о том, чтобы шансы на такое улучшение не были упущены. Это тем более важно, так как конфликты сейчас возникают быстро и могут выйти из-под контроля. СЕРГЕЙ МАРКОВ заявил, что главной проблемой в сфере международной безопасности является гегемония США. Злополучное вторжение в Ирак и продолжение подобной ошибочной политики США ведут, по его мнению, к общей гонке вооружений – в том числе в области химического и биологического оружия. Поэтому необходимо создать политическую коалицию, которая могла бы побудить США к отказу от опасной внешней политики. Одна лишь смена администрации в США к такому повороту не приведет, считает МАРКОВ. Такая коалиция не должна быть направлена против ведущей роли США, ее целью должна быть взвешенная и устойчивая американская внешняя политика.

ПАВЕЛ ЗОЛОТАРЕВ подхватил эту тему и объяснил существующую, с его точки зрения, необходимость адаптации контроля над вооружениями к новой реальности многополярного и при этом ядерного мира. Растет количество "латентных" ядерных держав, т.е. государств, которым не достает одной лишь политической воли для создания ядерного оружия. Эту тенденцию можно предотвратить, если наряду с нераспространением включить в перечень целей контроля над вооружениями такие аспекты как снижение мотивации к обладанию ядерным оружием или недопущение использования ядерного оружия в локальных конфликтах. Для этого необходимо, по крайней мере, сохранить существующие договоры. Снижение мотивации имеет политический и технический аспект. Негативным примером по первому аспекту является нынешняя политика США в отношении Ирана, поскольку она стимулирует создание Ираном ядерного оружия. В техническом плане масштабная система ПРО может сдерживать распространение ядерного оружия, поскольку перехват ракет-носителей в случае атаки нейтрализует стимулы к разработке такого оружия. Здесь необходимо международное сотрудничество – такое, например, как процитированное ЗОЛОТАРЕВЫМ предложение Путина по созданию центров обмена информацией, которые стали бы первым шагом к совместной системе ПРО. США, однако, к такому сотрудничеству не готовы, о чем свидетельствуют их усилия по созданию собственной ПРО в Европе. Но связываемый с этим выход из договора о РСМД ЗОЛОТАРЕВ считает неоправданным с военной точки зрения; скорее надо было бы расширить этот договор.

ПЕТЕР В. ШУЛЬЦЕ спросил в этой связи, обсуждалась ли новая система ПРО в Совете Россия-НАТО и каковы настроения в НАТО относительно создания в Европе общей системы ПРО с участием России. БРАНДЕНБУРГ ответил, что тема ПРО неоднократно обсуждалась в Совете Россия-НАТО как на пленарных заседаниях, так и на уровне экспертов, в том числе в плане возможного сотрудничества. По мнению ИВАНА САФРАНЧУКА, прежде всего военно-оперативные причины могут побудить Россию к выходу из договора о РСМД. Так, например, при определенных сценариях вторжения в Центральную Азию ракеты средней дальности с обычными боеголовками могли бы стать подходящим, быстро развертываемым инструментом. Он спросил, как партнеры по договору прореагировали бы на выход России из договора, если бы он был связан с обязательством, что ракеты будут оснащаться исключительно обычными боеголовками. НИКИТИН ответил, что такой шаг был бы очень вредным и стал бы фактором существенной дестабилизации, поскольку характер боеголовок нельзя проверить со спутников и это стало бы постоянным раздражителем для других стран.

Ситуацию, сложившуюся вокруг договора об обычных вооружениях в Европе САФРАНЧУК назвал политически и юридически запутанной. С одной стороны, партнеры по договору так долго оттягивали его ратификацию, что недовольство России понятно. С другой стороны, позиция России также заслуживает критики. ГЮНТЕР ЙОТЦЕ заметил, что переговоры о модификации ДОВСЕ начались на фоне нахождения российских войск в Грузии и Молдавии, а изначально предполагалось, что эта проблема будет разрешена в рамках этого договора, так что увязывание ратификации со стамбульскими обязательствами является искусственным. С этим не согласился АНДРЕЙ ЗАГОРСКИЙ. Эта взаимосвязь обусловлена отказом Молдавии, Грузии и Азербайджана подписать модифицированный договор без гарантий того, что размещение иностранных войск на их территории без их согласия будет запрещено. Так что эта увязка не произвольна. Поэтому Россия в значительной мере несет ответственность за то, что переговоры застопорились и договор не может вступить в действие. БРАНДЕНБУРГ также подтвердил, что стамбульские обязательства – это существенный элемент договоренностей. БРАНДЕНБУРГ также не согласился с тезисом СЕРГЕЯ МАРКОВА о том, что уровень безопасности снизился во всех частях света, указав на то, что ситуация в Европе улучшилась благодаря плотной сети договоров о контроле над вооружениями и что арсеналы, подпадающие под старый ДОВСЕ, далеко не дотягивают до лимита, установленного для группы западных стран. В то же время он указал на опасность того, что российский мораторий может привести к эрозии договорного режима и к утрате контрольно-инспекционных механизмов.

В заключительном слове НИКИТИН снова подтвердил необходимость контроля над вооружениями и в нынешних условиях. Его инструменты полезны не только во взаимоотношениях между противниками и врагами, но и во взаимоотношениях между партнерами. Эрозия существующего режима контроля создает к тому же прецеденты локальной гонки вооружений – как между Индией и Пакистаном, которых лучше избегать. Режимы разоружения снижают мотивацию "латентных" ядерных держав к созданию собственного ядерного оружия. И, не в последнюю очередь, контроль над вооружениями играет важную роль в предотвращении актов террора.

МЮЛЛЕР в своем заключительном выступлении остановился на вопросе о том, как поведение ядерных держав влияет на мотивацию пролифераторов. Он не согласился с оценкой САФРАНЧУКА о том, что пролифераторы преследуют исключительно региональные цели, так что разоружение ядерных держав для них якобы не имеет значения, и назвал три возможных канала влияния. Во-первых, ядерное оружие представляет собой угрозу и тем самым стимулирует наращивание вооружений, если между ядерной державой и пролифератором существует вражда – как, например, между США и Ираном. Во-вторых, отказ ядерных держав от разоружения свидетельствует о значении, которое они придают своим ядерным арсеналам, и это служит моделью поведения для пролифераторов. И, наконец, в-третьих, такое поведение вносит раздор в круг участников договора и разрушает солидарную позицию международного сообщества по отношению к пролифераторам.

Четвертое заседание

Шанхайская организация сотрудничества: инструмент многополярного мира?

По крайней мере, после проведения двух военных учений стран ШОС в 2005 и 2007 годах на Западе с пристальным вниманием наблюдают за развитием Шанхайской организации сотрудничества (ШОС/SCO), задаваясь при этом вопросом: не становится ли она альянсом, в котором находят реальное воплощение идеи многополярного мира? В организацию, учрежденную в 2001 году, входят наряду с Россией и Китаем все центрально-азиатские государства (кроме Туркменистана), а также в качестве наблюдателей Монголия, Индия, Пакистан и Иран. Таким образом, она является крупнейшей в мире региональной организацией, которая в то же время объединяет страны, не только чрезвычайно неоднородные, но и на разных этапах истории не раз конфликтовавшие друг с другом. Все эти факторы, а также соприкосновение со стратегией ЕС в Центральной Азии, а также с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ/OVKS) побудили организаторов ШЛАНГЕНБАДСКИХ БЕСЕД посвятить данной проблематике отдельное заседание, чтобы подвести своеобразный итог работы ШОС.

ЧЖАН ЦЗЯНЬЖУН указал в начале своего выступления на то, что в современном мире угрозы безопасности можно обуздать только на основе сотрудничества всех организаций, обеспечивающих безопасность, при этом не следует выделять роль какой-то одной организации. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС/SCO) также видит в выстраивании кооперации с другими организациями важнейшее направление своего будущего развития при обеспечении безопасности в регионе, в борьбе с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и наркоторговлей. Это служит, по мнению ЧЖАНА, внешнеполитическому стремлению Китая к созданию "гармоничных регионов" и обеспечению стабильности в Центральной Азии. Приоритетной целью в сфере безопасности Центральной Азии ЧЖАН назвал стабилизацию положения в Афганистане. Здесь между отдельными организациями разногласий нет, так что можно налаживать широкое сотрудничество, охватывающее обеспечение военной техникой и охрану границ, борьбу с наркоторговлей, нелегальной иммиграцией и организованной преступностью, а также проведение военных учений по борьбе с терроризмом.

Особое внимание ЧЖАН уделил отношениям между ШОС и ЕС. Расширение Евросоюза повышает геополитическое и экономическое значение Центральной Азии для ЕС, при этом центрально-азиатская стратегия ЕС может быть реализована только в тесном сотрудничестве с ШОС. При этом нельзя не заметить, что растущее значение ШОС в Центральной Азии создает определенную конкуренцию центрально-азиатской стратегии ЕС. Но поскольку между обеими организациями нет стратегической конкуренции, а существует стабильное доверие, здесь имеется большой потенциал для сотрудничества. В ходе реализации Стратегии ЕС для Центральной Азии уже произошло определенное сближение между ЕС и ШОС. При этом сотрудничеству способствуют следующие факторы:

- 1) Схожая базовая ориентация: обе организации – это не военные блоки, а экономические и политические организации, имеющие также схожую организационную структуру.
- 2) Схожие цели: обе организации стремятся прежде всего к укреплению региональной безопасности и экономической интеграции.
- 3) Взаимодополняемость в рамках сотрудничества: уже существуют тесные двухсторонние связи между странами-членами ШОС и ЕС, причем Россия и Китай являются стратегическими партнерами Евросоюза.

Речь идет не только о том, заявил ЧЖАН, что Китай очень важен для ШОС, ШОС также является существенной опорой китайской политики. Китаю принадлежит ключевая роль при определении базовой ориентации ШОС, которая отражается, в частности, в понятии "шанхайский дух", когда все страны стремятся к взаимной выгоде, с уважением относятся к традициям партнеров и не пытаются навязать другим собственное мнение. Аналогичные подходы содержатся в новой концепции "гармоничных регионов". Китай внес также большой вклад в институционализацию ШОС, а также в реализацию крупных проектов – например, в форме финансовых инвестиций или льготных кредитов для центрально-азиатских стран-членов ШОС.

С другой стороны, ШОС является незаменимой стратегической опорой для мирного развития Китая:

- 1) ШОС способствует укреплению взаимного доверия в отношениях с западными и северными соседями Китая и создает основу для окончательного урегулирования пограничных проблем с Индией.
- 2) ШОС способствует тесному сотрудничеству со странами-членами в противодействии нынешним угрозам безопасности.
- 3) Благодаря региональной кооперации ШОС способствует развитию западных провинций КНР и обеспечивает наземный доступ к нефтегазовым ресурсам Центральной Азии, стимулирует сотрудничество в энергетической сфере, обеспечивая тем самым энергетическую безопасность Китая.
- 4) ШОС предлагает новые подходы к дальнейшему мирному развитию Китая в духе концепции мирного сосуществования.

В завершение своего выступления ЧЖАН сформулировал цели, к которым стремится ШОС, в частности:

- 1) Налаживание в регионе тесного сотрудничества с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в борьбе с экстремизмом, терроризмом и преступностью. Желательна также кооперация с Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС) и другими организациями, стимулирующими развитие экономики.

- 2) На межрегиональном уровне – налаживание диалога с ОБСЕ, ЕС, НАТО, АСЕАН и ООН для расширения международного сотрудничества в сфере экономики и безопасности. Это обеспечивает устойчивый и быстрый рост евразийской экономики.
- 3) В долгосрочном плане – углубление сотрудничества с Организацией Договора о коллективной безопасности и ЕС и усиление роли ШОС в политике региона.
- 4) В среднесрочной перспективе – налаживание сотрудничества с США и НАТО в деле борьбы с терроризмом. При этом следует избегать геополитического конфликта между США и ШОС.

ШОС обладает потенциалом для того, чтобы в будущем играть ключевую политическую роль и стать важным партнером для других государств как в региональных, так и в международных делах, заключил ЧЖАН.

По мнению ИВАНА САФРАНЧУКА, главная цель России при создании ШОС состояла в том, чтобы вместе с центрально-азиатскими государствами урегулировать отношения с Китаем. При этом в 2001-2003 годах наблюдался определенный застой в российской политике в отношении ШОС, поскольку в Москве тогда шли дебаты о том, что США могли бы стать более подходящим партнером в Центральной Азии, чем Китай, который – в отличие от временных американских интересов – имеет там постоянные интересы и постоянное присутствие. Вне зависимости от этой дискуссии страны-члены ШОС связывают сегодня с этой организацией очень разные ожидания. Для Киргизстана и Таджикистана ШОС является важным инструментом внешней политики и источником ресурсов. Казахстан ведет себя очень сдержанно и пытается прежде всего контролировать через ШОС действия китайцев в регионе. Узбекистан рассматривает ШОС как корректив в своих отношениях с Россией, ОДКБ и ЕврАзЭС и поэтому заинтересован в расширении сотрудничества. Для стран-наблюдателей Индии и Пакистана эта организация создает интересные возможности для доступа в регион. Иран проявляет интерес к участию в ШОС ради возможностей сотрудничества с обеими великими державами. Афганистан и Туркменистан, которых приглашают на заседания в качестве гостей, видят в ШОС в первую очередь инструмент региональной политики в Центральной Азии. И Китай, и Россия рассматривают ШОС как универсальную организацию. При этом Китай, по мнению САФРАНЧУКА, заинтересован прежде всего в экономическом, а Россия – в политическом сотрудничестве в сфере безопасности. Хотя Китай и доминирует в ШОС, организация реализует не все желания КНР.

Что касается будущего развития ШОС, то САФРАНЧУК считает жизненно важным нахождения баланса между экономическим и военно-политическим компонентами. Надо также прояснить будущую роль наблюдателей; Иран и Индия стремятся к членству, но до сих пор не было предпринято никаких шагов в этом направлении. Кроме того, надо стремиться к согласованию действий ШОС с ЕврАзЭС и ОДКБ, считает САФРАНЧУК. Эти организации также концентрируют свое внимание на центрально-азиатском пространстве, так что уже возник ряд противоречий. В 2007 году в Бишкеке было решено разработать механизм координации, но до сих пор имеется лишь соответствующий меморандум. Если нынешняя конкуренция между этими организациями будет преодолена, САФРАНЧУК ожидает, что это произойдет за счет ОДКБ.

Что касается отношений с США, то ШОС не направлена против США, но хочет действовать без США, взяв на себя ответственность за регион. Поэтому Соединенные Штаты и не приглашены в организацию в качестве наблюдателя. Отношения с АСЕАН и ЕС постепенно развиваются, хотя документов на этот счет пока было принято мало. Подводя итог, САФРАНЧУК подчеркнул, что рассматривает ШОС как инструмент многополярного подхода, хотя эта организация выполняет лишь координирующую функцию. Тем не менее, она не является властным полюсом, потому что консенсус по внешнеполитическим вопросам хотя и поставлен как цель, но большой международной активности по его достижению не наблюдается.

ХАНС-ДИТЕР ЛУКАС начал свое выступление с подведения итогов деятельности ШОС. В актив он отнес общие цели государств-членов и начало институционализации. ШОС также демонстрирует большую эффективность, чем, например, ОДКБ. Так что в принципе эту организацию можно воспринимать как инструмент многополярности. Согласившись с САФРАНЧУКОМ, он также указал на имеющиеся трудности – в частности, на различные интересы государств-членов, из-за чего ШОС нельзя назвать самостоятельным полюсом. Россия заинтересована в сотрудничестве в сфере безопасности, а также в усилении своей роли в Центральной Азии при одновременном ограничении влияния США. В то же время для Китая на первом плане стоят экономические интересы и вопросы энергетической безопасности. Центрально-азиатские государства также ищут новых возможностей для экономического развития, в то же время их членство в ШОС – это следствие их положения между Россией и Китаем. По мнению ЛУКАСА, курс ШОС в основном определяется отношениями между Россией и Китаем. Он пояснил, что различие интересов ограничивает возможности финансирования, так что расходы все больше осуществляются на двусторонней основе. Создание зоны свободной торговли пока что лишь теоретически планируется, а договоренности в сфере энергетики не складываются из-за конкуренции интересов. В военной сфере ШОС также далека от того, чтобы стать "восточной НАТО".

Хотя ШОС и не является отдельным полюсом и, по мнению ЛУКАСА и вопреки мнению ЧЖАНА, коренным образом отличается от ЕС, она представляет собой серьезную региональную организацию, обладающую определенным потенциалом развития. Так что, несмотря на все противоречия, она важна для внешней политики ЕС. Поскольку для статуса наблюдателя у ЕС отсутствуют предпосылки, речь для ЕС может идти о прагматичном сотрудничестве в отдельных областях. Так, существуют явные общие интересы в таких сферах как борьба с наркотиками и преступностью, нераспространение ядерного оружия и Афганистан. ЛУКАС указал, однако на то, что сотрудничество с ШОС является лишь одним из элементов центрально-азиатской стратегии ЕС; основное внимание ЕС уделяет двусторонним отношениям.

В последовавшей затем дискуссии ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ подтвердил, что миссия ШОС как евроазиатской региональной организации ясна: ее можно рассматривать как форум для стратегического российско-китайского диалога. Ее эффективность, однако, страдает из-за разногласий между государствами-членами – например, из-за конфликтов между Казахстаном и Узбекистаном. Поэтому ШОС – это не энергетический клуб и не военный альянс, так как ни одно государство-член не готово к взаимным обязательствам. НИКОНОВ также отметил, что Центральная Азия не интересна для ЕС как источник энергоносителей, поскольку весь объем

добычи уже распределен между Китаем и Россией посредством долгосрочных договоров. ЛУКАС не согласился с этим тезисом, указав на вновь разведанные запасы нефти и газа в Туркменистане и Казахстане, которые доступны для ЕС. Конечно, Россия является главным партнером ЕС в области снабжения энергоносителями, Центральная Азия может стать лишь дополнительным источником. САФРАНЧУК подтвердил, что проекты поставок энергоносителей в ЕС реальны – например, из Туркменистана, если объем запасов на восточном шельфе превысит пропускную способность Каспийского газопровода. НИКОНОВ добавил, что более глубокая интеграция между государствами-членами ШОС вряд ли возможна из-за недостаточной готовности к этому со стороны России. К экономической интеграции Россия также менее готова, чем Китай, не в последнюю очередь потому, что создание общего рынка труда весьма сомнительно. НИКОНОВ назвал Туркменистан возможным новым членом ШОС, ее дальнейшее расширение за счет Монголии, Пакистана или Индии он, однако, считает проблематичным. Прием в организацию США совершенно исключен, поскольку ШОС стремится к принятию решений безо всякого участия США, считает НИКОНОВ.

ХАЙНЦ ТИММЕРМАНН охарактеризовал как парадокс растущее влияние России в Центральной Азии при одновременном сокращении ее влияния в западной части СНГ. Вместе с ВЛАДИСЛАВОМ ИНОЗЕМЦЕВЫМ он также задал вопрос о том, были ли уже предприняты существенные шаги по сближению со структурами ЕС, о котором говорил ЧЖАН. ЧЖАН ответил, что на данный момент не планируется создание наднациональных органов, и поэтому нет соответствующих официальных документов. При этом он подчеркнул, что ЕС больше подходит в качестве модели для ШОС, чем АСЕАН.

АЛЕКСАНДР НИКИТИН оценил потенциал ШОС и ОДКБ иначе, чем САФРАНЧУК. Он считает, что ОДКБ по интенсивности сотрудничества специалистов, по функциональности и организационной структуре превосходит ШОС. ОДКБ как в военной сфере, так и в области "мягкой" безопасности (борьба с наркотиками) достигла большего прогресса и большей оперативной значимости. ШОС он охарактеризовал как политический форум, который держат "про запас на будущее". ВЛАДИМИР РЫЖКОВ позитивно оценил итоги восьмилетней работы ШОС. Ситуация в Центральной Азии стабилизировалась, демилитаризация региона продвигается вперед, укрепляется взаимное доверие. Он с оптимизмом смотрит на будущее ШОС: хотя из-за конкуренции за энергоресурсы могли бы возникнуть конфликты, оснований для принципиальных конфликтов он не видит. Главное преимущество для России состоит в том, что через ШОС она может контролировать китайскую политику в Центральной Азии. В сфере природных ресурсов – например, при распределении водных ресурсов – есть задачи, которые можно решать совместно.

МАТИАС БРЮГМАНН высказал мнение, что ШОС была учреждена только из-за стремления создать противовес западным организациям и США. С этим не согласился ЛУКАС, который указал на региональное сотрудничество и российско-китайские отношения как главный стержень организации. Для России ШОС – это прежде всего инструмент для продвижения ее интересов в Центральной Азии, но не альтернатива отношениям с Западом. Отвечая на вопрос БРЮГМАННА о возможном вступлении в ШОС Ирана, несмотря на его ядерную программу, ЛУКАС заметил, что ШОС тоже заинтересована в недопущении реализации этой ядерной программы, и в нынешних условиях прием Ирана решению проблемы не

поможет. ХАНС-ЙОАХИМ ШПАНГЕР обратил внимание на то, что хотя ЕС упрекает Россию в том, что она пытается обойти Брюссель, предпочитая поддержание двухсторонних отношений со странами-членами ЕС, сам ЕС в Центральной Азии делает ставку именно на двухсторонние отношения. ЛУКАС возразил в том плане, что Стратегия ЕС для Центральной Азии предусматривает двойной подход. С одной стороны, с учетом неоднородности региона предпочтение отдается двухсторонним отношениям, а с другой стороны, ЕС стремится к региональному сотрудничеству по проблемам, которые можно урегулировать только во всем регионе.

Несколько участников, среди них ХАЙНЦ ТИММЕРМАНН, УЛЬРИХ БРАНДЕНБУРГ и ЭГБЕРТ ЯН, затронули роль ШОС в Афганистане. Нерешительная реакция Запада на предложенную Россией помощь обусловлена, по мнению ЛУКАСА, исторической ролью России в Афганистане. Но проблема негативного опыта теряет свою значимость, и Россия участвует теперь, например, в программах борьбы с наркотрафиком. САФРАНЧУК указал на противоречия в этом вопросе между государствами-членами ШОС. Казахстан проявляет большой интерес к программам восстановления и уже присутствует в Афганистане. Узбекистан также положительно относится к действиям НАТО в Афганистане. В то же время позиция России имеет двойственный характер: с одной стороны, Москва не заинтересована в поражении НАТО в Афганистане, но, с другой стороны, она не верит в то, что НАТО удастся восстановить порядок в Афганистане.

В заключение заседания ВОЛЬФРАМ ШРЕТТЛЬ, сославшись на принцип невмешательства, которого придерживается ШОС, затронул тему Тибета и спросил, каков взгляд России на положение там. НИКОНОВ ответил, что китайская политика в Тибете вызывает беспокойство в России, так как буддизм является одной из главных религий в стране, так что нарушение прав буддистов не может остаться незамеченным. В то же время Россия, заявил НИКОНОВ, выступает за территориальную целостность Китая, поскольку сепаратизм представляет собой серьезную угрозу стабильности региона.

Программа

Четверг, 24
апреля 2008 г.

20.00 Рабочий ужин в гостинице
Докладчик: Эгон Бар, федеральный министр в отставке, Бонн

Пятница, 25
апреля 2008 г.

10.00 Открытие конференции организаторами

10.15 **После выборов: Новые перспективы российско-германских отношений?**

Сергей Марков, Депутат Государственной думы, Москва
Андреас Шоккенхофф, заместитель председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге
Герт Вайскирхен, спикер фракции СДПГ в бундестаге по вопросам внешней политики
Вячеслав Никонов, президент Фонда «Единство во имя России», Москва

13.30 Обед

15.00 **Государства БРИК и их развитие: вызов мировому устройству?**

Вольфрам Шреттль, Свободный университет, Берлин
Владислав Иноземцев, Директор Центра исследований постиндустриального общества, Москва

16.45 Перерыв

17.15 **Будущее контроля над вооружениями**

Харальд Мюллер, исполнительный директор Франкфуртского института проблем мира и исследования конфликтов, Франкфурт-на-Майне
Александр Никитин, Московский государственный институт международных отношений (Университет МГИМО), Москва
Ульрих Бранденбург, посол, постоянный представитель Германии при НАТО, Брюссель

19.15 Ужин

Суббота, 26
апреля 2008 г.

10.00 **Шанхайская организация сотрудничества: инструмент мультиполярного мира?**

Чжан Цзяньжун, заместитель генерального секретаря Центра исследований ШОС Шанхайской академии общественных наук, Шанхай

Иван Сафранчук, директор консалтинговой компании «ЛаТУК», МГИМО, Москва

Ханс-Дитер Лукас, уполномоченный МИД Германии по Восточной Европе, Центральной Азии и Кавказу, Берлин

13.00

Обед и завершение конференции

Участники

Эгон Бар, федеральный министр в отставке, Бонн

Клаус-Дитер Бергнер, исполнительный директор, компания «Euro Business Development GmbH», Вена

Петер Йозеф Бокк, телеканал и радиовещание Westdeutscher Rundfunk, Кельн

Ульрих Бранденбург, постоянный представитель ФРГ в НАТО, Брюссель

Маттиас Брюгманн, международный корреспондент, газета «Handelsblatt», Берлин

Хайке Дёрренбежер, управляющая Германского общества исследования Восточной Европы, Берлин

Петр Федосов, руководитель отдела связей с правительством и общественными организациями нефтегазовой компании ИТЕРА, МГИМО, Москва

Томас Гучкер, руководитель раздела внешней политики, газета «Rheinischer Merkur», Бонн

Вильгельм Ханкель, профессор, Кенигсвинтер

Гунтер Хелльманн, профессор политологии, Франкфуртский университет

Маркус Ингенлат, правление ХДС, заместитель руководителя управления политических программ и анализа, Берлин

Эгберт Ян, профессор, университет г. Маннхайм

Гюнтер Йотце, посол в отставке, Кёнигсвинтер

Владислав Иноземцев, директор Центра исследований постиндустриального общества, Москва

Фридеманн Колер, немецкое агентство прессы, Висбаден

Райнхард Крумм, руководитель филиала Фонда имени Фридриха Эберта в РФ, Москва

Томас Кунце, руководитель отдела Европы/США, Фонд Конрада Аденауэра, Берлин

Владимир Липаев, генеральный консул РФ в Германии, Франкфурт

Ханс-Дитер Лукас, посол, Уполномоченный МИД ФРГ по Восточной Европе, Центральной Азии и Кавказу, Берлин

Бригитте Мархер, руководитель направления "Европейский союз", Академия

международной политики, Институт Реннера, Вена

Сергей Марков, депутат Государственной Думы ФС РФ, Москва

Олаф Мельцер, Франкфуртский институт по изучению проблем мира и конфликтов, Франкфурт-на-Майне

Штефан Мойзер, руководитель департамента Центральной и Восточной Европы, Фонд имени Фридриха Эберта, Берлин

Харальд Мюллер, член правления Франкфуртского института по изучению проблем мира и конфликтов, Франкфурт-на-Майне

Александр Никитин, профессор, МГИМО, Москва

Вячеслав Никонов, президент фонда «Единство во имя России», руководитель фонда «Русский мир», член Общественной палаты РФ, Москва

Владимир Рыжков, публицист, Москва

Иван Сафранчук, директор консалтинговой компании «ЛаТУК», МГИМО, Москва

Андрей Загорский, профессор МГИМО, Москва

Андреас Шоккенхофф, заместитель председателя фракции ХДС/ХСС в Бундестаге, координатор российско-германских отношений правительства ФРГ, МИД ФРГ, Берлин

Анна Шор-Чудновская, руководитель направления "Восточная Европа", кафедра сравнительного анализа благосостояния обществ, Частный университет им. Зигмунда Фрейда, Вена

Вольфрам Шреттль, профессор теории народного хозяйства, Свободный университет, Берлин

Ханс-Хеннинг Шрёдер, руководитель исследовательской группы, Фонд "Наука и политика", Берлин

Петер В. Шульце, профессор, Университет имени Георга Августа, Геттинген

Свен Сингхофен, публицист, Киль

Павел Золотарев, президент Фонда поддержки армейской реформы, Москва

Екатерина Зотова, Фонд «Единство во имя России», Москва

Ханс-Йоахим Шпангер, руководитель программ, Франкфуртский институт по изучению проблем мира и конфликтов, Франкфурт-на-Майне

Эрнст-Йорг фон Штудниц, посол в отставке, председатель Германско-русского форума, Берлин

Хайнц Тиммерманн, Фонд "Наука и политика", Кельн

Райнхард Везер, газета «Frankfurter Allgemeine Zeitung», Франкфурт

Штефани Вайс, руководитель брюссельского отделения Фонда Бертельсмана

Герт Вайскирхен, депутат Бундестага, спикер фракции СДПГ по вопросам внешней политики, Берлин

Кирстен Вестфаль, Институт политологии, Университет г. Гисена

Оливер Вик, исполнительный директор Восточного комитета немецкой экономики, Берлин

Клаус Виттманн, директор управления планирования, оборонный колледж НАТО, Рим

Чжан Цзяньжун, заместитель генерального секретаря Центра исследований ШОС Шанхайской академии общественных наук, Шанхай

Переводчики

Сергей Виноградов

Валерий Кузавлев

Протокол

Дарья Орлова

Наблюдатели и ассистенты

Александра Авдеенко

Геннадий Гильманов

Мальте Лорберг

Мария Усачёва